

Газа. Йемен. Эпицентры боли О чувствах, мифах и памяти на Ближнем Востоке

Виталий Наумкин,
Василий Кузнецов

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-01-5

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2024

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Виталий Наумкин

Академик РАН, научный руководитель
Института востоковедения РАН

Василий Кузнецов

Заместитель директора Института востоковедения РАН
по научной работе, заведующий Центром арабских
и исламских исследований Института востоковедения РАН

Содержание

- 3** Эпицентры боли
 - О новой роли сектора Газа
 - О памяти
 - О мифах, политической теории и Йемене
- 14** Уроки
 - Регион мифов
 - Мифы и негосударственные акторы
 - Преобразующая сила мифов

За год, прошедший после публикации нашего доклада «Ближний Восток и будущее полицентричного мира» (февраль 2023 года)¹, произошло немало событий, серьёзно повлиявших на судьбы региональных игроков, внерегиональных акторов и множества людей по всему миру. Многие из них казались продолжением позитивных трендов, что обозначились годом-двумя ранее. Официально закреплена нормализация отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Возобновилось членство Сирии в ЛАГ. Египет, Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия приняты в БРИКС. Продолжилась разрядка напряжённости в Йемене, в апреле и сентябре 2023 года Сана и Эр-Рияд обменялись официальными визитами, несколько смягчился режим морской и воздушной блокады, оживилась коммерческая деятельность йеменских портов, частично восстановилось авиасообщение с Саной...

Однако к концу года ситуация резко изменилась. В региональную и глобальную повестку вернулся застарелый израильско-палестинский конфликт, в считанные дни превратившийся в средоточие всей региональной конфликтности. Это возвращение, предпосылки для которого никогда не исчезали, казалось бы, не должно было стать неожиданностью для экспертов. Однако лишь некоторые из них (включая авторов настоящего доклада) в последние годы отстаивали мнение о том, что этот узел противоречий занимает центральное место в инвентарной книге региональных коллизий Ближнего Востока.

Эпицентры боли

О новой роли сектора Газа

В рамках формирующегося полицентричного миропорядка, о котором мы писали год назад, выход на передний план конфликта, уже несколько подзабытого мировыми и даже многими региональными лидерами, не стало шоком для международной политики. Но превращение Газы в эпицентр израильско-палестинского конфликта, да ещё со столь высоким уровнем насилия, страшными человеческими жертвами и разрушениями, гуманитарной катастрофой такого масштаба, застало человечество врасплох. Даже самые проникательные западные аналитики признают: поскольку на протяжении двух десятилетий Израиль подвергал этот густонаселенный анклав (2,3 миллиона человек) воздушной, морской и сухопутной блокаде, его считали едва ли не исключённым из регионального баланса сил, а Движение исламского сопротивления (ХАМАС), враждовавшее с движением ФАТХ, которое правило

¹ Наумкин В., Кузнецов В. Ближний Восток и будущее полицентричного мира. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». 20.02.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/blizhnii-vostok-budushchee-politsentrichnogo-mira/>

на Западном берегу реки Иордан, видели в качестве не очень значимой исламистской силы.

Война коренным образом изменила представления. События после нападения хамасовцев на Израиль показали, сколь переменчивы под воздействием колебаний конъюнктуры позиции, симпатии и антипатии государств. 7 октября 2023 года и в первые дни после вторжения беспрецедентная жестокость, проявленная ХАМАС в том числе и в отношении мирного населения, убийства, захват заложников вызвали не только негодование жителей Израиля и дружественных ему государств, но и осуждение даже со стороны части населения арабских стран. Однако с момента начала ответной, несопоставимо более жестокой карательной военной операции Израиля чаша весов в поддержке людей склонилась на сторону палестинцев.

В качестве примера можно привести динамику изменения мнений и симпатий к странам региона, а также к глобальным державам населения в относительно нейтральной арабской стране – Тунисе. По результатам опросов, проведённых сотрудниками исследовательской сети «Арабский барометр» и её местного партнёра *“One to One for Research and Polling”*, до 7 октября лишь 24 процента опрошенных назвали наиболее важным для них направлением внешнеполитической деятельности США в регионе Ближнего Востока и Северной Африки урегулирование израильско-палестинского конфликта. В разгар военных действий в Газе цифра составила уже 59 процентов. Если до 7 октября 40 процентов тунисцев положительно воспринимали Соединённые Штаты и 56 процентов имели о них неблагоприятное мнение, то в разгар войны в Газе последняя цифра выросла до 87 процентов, лишь 10 процентов относились к США положительно.

Отвечая на вопрос о предпочтительных способах урегулирования палестино-израильского конфликта перед событиями 7 октября, 66 процентов опрошенных тунисцев высказались за концепцию двух государств в границах на 4 июня 1967 года, 18 процентов – за создание единого государства или же конфедерации с равными правами для всех, 6 процентов поддержали другие варианты, большинство из которых предполагало вооружённое сопротивление израильской оккупации (в том числе допуская и ликвидацию государства Израиль).

В разгар военной операции в Газе лишь 50 процентов тунисцев поддержали решение о создании двух государств, за единое государство или конфедерацию высказались 11 процентов респондентов, зато за другие

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Военнослужащие
(тыс. чел.)

Военный бюджет
(млрд \$)

Авиатехника

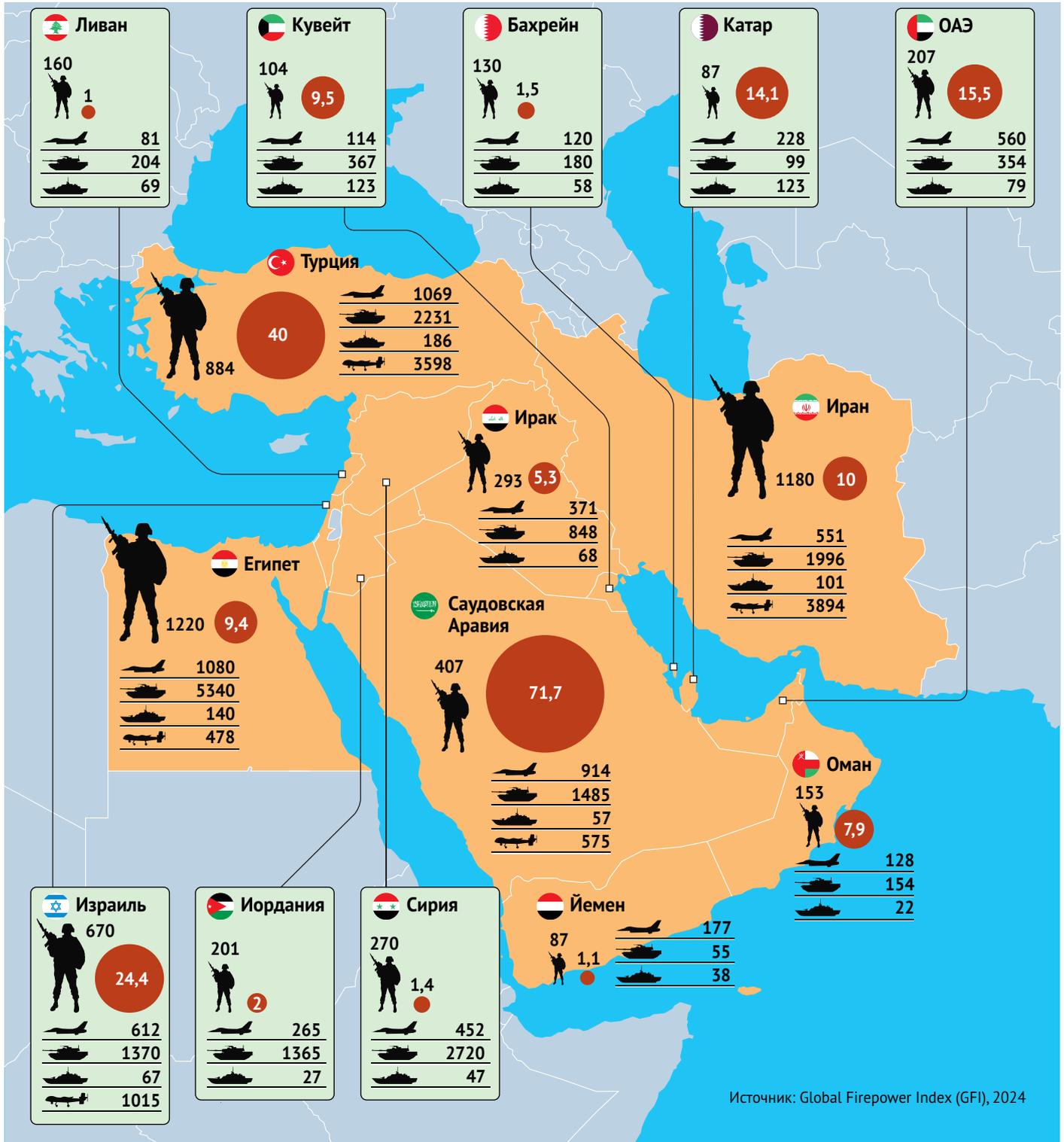
Танки

Боевые корабли

Дроны

Источник: Global Firepower Index (GFI), 2024

варианты выступили 36 процентов, причём большинство из них – за вооружённое сопротивление Израилю².

Понятно, что если так думают тунисцы, то настроения арабов в государствах, где находятся большие массы палестинских беженцев, носят гораздо более радикальный характер, а происшедшие изменения разительны. Зашкаливающая ненависть «арабской улицы» тем не менее не означает, что правящие элиты готовы рисковать миром и благополучием своих стран, вступая в сражение на стороне ХАМАС. Руководители хорошо осознают возможные последствия. (Исключение составило йеменское движение «Ансарулла», или хуситы – см. далее.) Сказываются и последствия традиционно неприязненного отношения к хамасовцам, организация которых является ответвлением «Братьев-мусульман»³, за пределами «оси сопротивления». Правда, в целом теперь отношение к ним улучшилось – немалое число арабов считают их мучениками, погибающими за правое дело. К концу второй декады января 2024 года, то есть к моменту написания нашего доклада, число жертв израильских бомбёжек в Газе, по данным местного министерства здравоохранения, превысило 24 тысячи человек, а число раненых – 60 тысяч, цифры продолжали расти. Север Газы, по выражению арабских журналистов, превратился в самое большое в мире детское кладбище.

Отвергая согласованный в резолюциях СБ ООН проект урегулирования путём создания независимого палестинского государства (в границах на 4 июня 1967 года со столицей в Восточном Иерусалиме), которое существовало бы бок о бок с Израилем, правительство Биньямина Нетаньяху загоняет проблему в тупик. А накачивание Израиля американским и британским оружием лишь продлевает кровопролитие. Продолжение попыток решить проблему конфликта в Газе силовым путём губительно для будущего совместного существования двух народов.

Впрочем, проблемы есть и с палестинской стороны. Одна из важнейших – недостаточная консолидированность политических сил. Под вопросом единство даже ХАМАС: разрозненности способствует

² Robbins M., Roche M., Jamal A.A., Al-Shami S., Tessler M. How the Israel-Hamas War in Gaza Is Changing Arab Views // Foreign Affairs. 14.12.2023. URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/how-the-israel-hamas-war-in-gaza-is-changing-arab-views-2023-12-14.pdf>

³ Запрещено в России.

многосоставность движения, сложность его исторического развития со всеми перипетиями, дисперсное расселение руководящих кадров, так или иначе находящихся под влиянием разных государств и политических сил. О единстве всего Палестинского движения сопротивления и мечтать не приходится. Предпринимавшиеся в России и Египте попытки содействовать примирению отрядов движения не дали результата из-за непримиримости позиций ряда фронтов и организаций, в том числе ХАМАС и «Исламского джихада»⁴. Так, во время встреч в Москве представители их руководства продолжали отвергать поддерживаемый большинством и палестинцев, и международного сообщества, в том числе Россией, проект создания независимого палестинского государства на части территории Палестины, что означало бы признание легитимности государства Израиль.

Для понимания новой роли сектора Газа в израильско-палестинском конфликте нужно обратить пристальное внимание на такой аспект, как историческая память. Для всех, кто мало-мальски знаком с палестинской историей, выдвижение Газы на передний, стратегический план борьбы палестинского национального движения не должно было стать сюрпризом, равно как и победа ХАМАС на выборах в 2006 году. В результате ожесточённых междоусобных боёв между хамасовцами и фатховцами, в ходе которых погибло около сотни человек, в 2007 году ХАМАС установило контроль над сектором. Как отмечает известный французский дипломат и исследователь Жан-Пьер Фильё, «для территории с историей в 4 тысячи лет последние шестнадцать лет являются аномалией; Газа почти всегда была ключевой частью политической динамики в регионе... Со времён британского мандата в начале XX века территория была и в центре палестинского национализма». Именно поэтому, считает Фильё⁵, восстановить Газу после такой разрушительной войны вряд ли удастся, если не принять во внимание её стратегическое положение, а демилитаризации анклава не добиться без снятия блокады и успешного экономического развития. И ещё один неожиданный вывод французского эксперта: «США и их союзникам следует признать, что Газа должна стать *центральной частью* (курсив наш. – Авторы) решения для палестинской борьбы».

⁴ Запрещено в России.

⁵ Filiu J.-P. Why Gaza Matters // Foreign Affairs. January 1, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/middle-east/why-gaza-matters>

О памяти

Не перегружая доклад историческими реминисценциями, рискнём привести несколько исторических фактов, определяющих самосознание уроженцев Газы и – шире – всех палестинцев. По данным наших палестинских партнёров, из 2,3 миллиона жителей сектора Газа к коренному населению принадлежат сейчас примерно 1,5 миллиона, остальные – палестинские беженцы, живущие в лагерях. В 1997 году беженцы и их потомки составляли 51,8 процента населения территории. Помимо мусульман в Газе имелась небольшая христианская поликонфессиональная община (3,5 тысячи человек), состоявшая преимущественно из православных. Сейчас почти все их древние храмы разрушены израильскими бомбардировками.

В 2017 году в крупнейшем палестинском городе Газе жило 590 481 человек. Здесь был один из самых высоких в мире темпов прироста населения. Плотность населения составляла к 2017 году 9 982,69 человека на квадратный километр (для сравнения: в Нью-Йорке 10 725,4 человека на квадратный километр).

Жители Газы горды тем, что их город – один из самых древних на земле. Ханаанское поселение было основано около 3 000 года до н.э., находилось под контролем древних египтян: город, находящийся на стратегическом пути, связывающем Египет с Левантом, упоминается в египетских источниках с XV века до н.э. Он стал одним из пяти самых известных городов, образовавших в XII веке до н.э. пентаполис (пятиградье), или федерацию филистимлянских городов, наряду с входящими ныне в состав Израиля Ашкелоном, Ашдодом, Екромом и Гефом. Постоянные столкновения между филистимлянами и иудейскими племенами были приметой местной жизни. Газы, привлекавшая соседей выгодной геостратегической позицией и являвшая собой цветущий оазис с прохладным климатом, подвергалась частым ассирийским нашествиям. Ей пришлось побывать под владычеством вавилонян, а потом при царе Кире II Великом в середине VI века до н.э. перейти в руки персов. Наконец, она не раз упоминается в Библии: самое известное из упоминаний связано с помещением Самсона в газскую темницу после того, как Далила отстригла его чудодейственные волосы, покуда он спал (Суд., 16).

В 332 году до н.э. Газу завоевал Александр Македонский, которому горожане уступили после стодневной осады его армии, двигавшейся в Египет. В наказание за ожесточённое сопротивление Александр, получивший

ранение, убил почти всех мужчин, а женщин и детей продал в рабство. Во время этой короткой войны обе стороны, как и хамасовцы в наши дни, укрепляли позиции, прокапывая многочисленные туннели и ходы в мягкой почве под городом.

Вместе с проповедями апостола Филиппа в Газу пришло христианство (см.: Деян., 8:39). Здесь был учреждён пост епископа, и город стал крупным центром жизни не только интеллектуальной и художественной (творили прославленные риторы, философы и поэты), но и религиозной. Причём для всех трёх авраамических религий. В 407 году н.э. христианский епископ Газы Порфирий построил церковь на развалинах главного языческого храма Зевса, а в 508 году возведена огромная пятиэтажная синагога. Буквально несколькими годами позже в городе побывал один из прадедов пророка Мухаммада – Хашим бин Абд аль-Манаф, скончавшийся здесь в 525 году. В память об этом в VII веке, когда мусульманские армии взяли город, его стали называть «Газы Хашима», а в XIX веке османы построили на месте мавзолея мечеть Хашима.

Золотым веком Газы стало время правления тюркских мамлюков. Построено множество мечетей, дворцов, библиотек, а на юге вокруг караван-сарая вырос город Хан-Юнис, подвергшийся в наши дни ожесточённым бомбардировкам.

Осталось только напомнить, что в 1517 году Газы была снова завоевана, на этот раз турками-османами, которые ничего в ней не разрушили и никого не истребили, а в 1799 году здесь побывала вторгшаяся в Египет армия Наполеона. В те времена экономически процветающая Газы ещё славилась высоким уровнем жизни. В 1906 году между Палестиной, входившей в Османскую империю, и территорией подконтрольного Британии Египта проведена граница через город Рафах, где установилась зона свободной торговли. В 1917 году Газы вошла в состав подмандатной Палестины, переданной Лигой Наций Британии.

После создания Государства Израиль в Газу прибыли первые волны палестинцев, в основном из района Яффы. По договору о прекращении огня между Израилем и Египтом, подписанному на острове Родос при посредничестве ООН 24 февраля 1949 года, образован загнанный в пустыню сектор Газы, отрезанный от того, что раньше было Палестиной. К местному населению в 80 тысяч жителей добавились 200 тысяч беженцев, для которых, как пишет Фильё, сектор стал своего рода Ноевым ковчегом. Однако

чтобы интегрировать и обустроить всех прибывших, местной инфраструктуры не хватало. Для решения проблемы с помощью ООН в анклав создано восемь лагерей для палестинцев, в том числе самый крупный из них – Джабалийя на крайнем севере. Первый глава правительства Израиля Давид Бен-Гурион, понимая роль ситуации в Газе для безопасности страны, предложил на конференции в Лозанне, чтобы Израиль аннексировал территорию сектора, разрешив 100 тысячам палестинцев вернуться в их бывшие дома в Израиле. Но его план с негодованием отвергли и в Израиле, и в Египте.

Исторический экскурс и обращение к ещё недооцененной роли исторической памяти в национальном самосознании палестинцев, в которой культурно-цивилизационное значение Газы и связанных с ней символов являются краеугольными камнями, позволяют обратиться к некоторым использованным ранее, но по-прежнему применимым теоретическим постулатам.

О мифах, политической теории и Йемене

Среди этих постулатов – положения теории символического выбора, или символической политики, которая была впервые применена для изучения этнических конфликтов и войн американским социологом Мюрреем Эдельманом⁶. Её суть можно вкратце сформулировать так: люди делают выбор, отвечая на предложенный им символ, вызывающий сильные эмоции.

Возникшая в русле психологических подходов, теория символического выбора противостоит широко распространённой теории рационального выбора. Последняя рассматривает этнические группы как коалиции, сформировавшиеся для борьбы за рационально определяемые цели, например, обладание ресурсами и благами, контроль над территорией и тому подобное. Однако с точки зрения теории символического выбора решение, принятое человеком, во многом зависит от того, **как** ему представлена та или иная идея. Обе теории изначально оперируют, в основном, понятиями этничности. Они легко приложимы и к сфере действий, с одной стороны, связанных с религиозной мотивацией, а с другой – столь же тесно сопряжённых с политическими задачами, как и действия этнического ряда.

⁶ Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. New York: Academic Press, 1971.

Не случайно в рамках теории символического выбора центральной для понимания этничности является комбинация «миф – символ». Под мифом понимается «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придаёт событиям и действиям определённое значение», а под символом – «эмоционально заряженная ссылка на миф». Профессор политологии Стюарт Кауфман, работающий в парадигме теории символического выбора и внёсший немалый вклад в её применение к исследованию конкретных этнических конфликтов, в том числе и на постсоветском пространстве, пишет⁷: комплекс «миф – символ» представляет собой «сеть мифов и связанных с ним символов», а люди совершают выбор, отвечая на предлагаемые им символы.

Парадигма возникновения этнической конфликтности выглядит тогда следующим образом: *страх* перед уничтожением группы (или уничтожением её идентичности) ведёт к возникновению чувства враждебности, а затем к групповому насилию. Атмосфера враждебности и угроз повышает групповую солидарность и побуждает людей рассматривать события в терминах этнических или же этнорелигиозных. Во всяком случае, страх перед исчезновением исламской цивилизационно-культурной идентичности и, соответственно, утратой позиций социально-политических групп, базирующих на ней свою легитимность, может порождать агрессивную враждебность и насилие настолько же, насколько и страх перед уничтожением этноса. Достаточно вспомнить много раз проявлявшуюся консолидированную реакцию мусульман по всему миру, например, на карикатурное изображение в прессе священных символов.

Через комплекс «миф – символ» – с помощью разжигания враждебности на основе разного рода сконструированных исторических и историко-религиозных мифов – преодолимы слабость идентичности и трудности проведения мобилизационной политики. Такие мифы, в свою очередь, строятся на интерпретации политики в этнических или религиозных терминах. Мифологизация, к примеру, событий первых веков ислама через символы способна побудить рассматривать в религиозных терминах современные события. Речь не о том, что каких-то событий не было или они были не такими, как их сегодня подают, а о том, что им придаётся символическое значение, побуждающее к действию политического характера. Этничность же и религия настолько тесно связаны, что этническая мобилизация в состоянии апеллировать к религиозным мотивациям и наоборот.

⁷ Kaufman S.J. *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*. Cornell University Press, 2001.

Войну против Ирана Саддам Хусейн называл «своей Кадисией», проводя аналогию с битвой 636 года, в которой арабы одержали верх над персами, впоследствии обращёнными в ислам: здесь этнический и религиозный мотивы соединены, хотя ирано-иракская война XX столетия велась уже между единоверцами. Однако «миф – символ» Кадисии не сработал для привлечения на сторону Ирака арабского населения Ирана⁸.

Сказанное выше помогает понять, что же именно с начала 2024 года, на фоне трагических событий в Газе, происходит в Йемене и в Красном море. Ведь если рассматривать действия движения «Ансарулла» исключительно с точки зрения политического прагматизма, они иррациональны.

Как известно, с самого начала эскалации израильско-палестинского конфликта власти Саны последовательно выступали в защиту Палестины – уже 19 октября 2023 года они объявили войну Израилю, направив в его сторону несколько крылатых ракет. Ракетные атаки повторились 27 и 31 октября, 1, 8, 9 и 14 ноября. Параллельно во всех подконтрольных «Ансарулле» городах проходили массовые марши солидарности с Палестиной, а противостояние Израилю, США и Великобритании стало одной из основных тем выступлений хуситских лидеров. В середине ноября 2023 года власти Саны объявили о запрете на прохождение судов в сторону Израиля, равно как и прохождение израильских судов через Баб-эль-Мандебский пролив, вслед за этим они арестовали принадлежащее израильскому бизнесмену судно *“Galaxy Leader”*. В первой половине декабря они начали атаковать коммерческие суда, игнорировавшие требования йеменских пограничников о проверке судовых манифестов. Когда число атак перевалило за два десятка, американцы, объявившие 18 декабря о начале антихуситской операции «Страж процветания», потопили с двух армейских вертолётов три йеменских пограничных катера, что было расценено властями Саны как нападение на суверенное государство. 3 января 2024 года США и их союзники предъявили Сане окончательный ультиматум, а 10 января принята резолюция СБ ООН 2722, согласно которой СБ «подтверждает необходимость уважать осуществление прав и свобод судоходства в соответствии с нормами международного права и принимает к сведению право государств-членов защищать, руководствуясь нормами международного права, свои суда от нападений, в том числе тех, которые наносят ущерб правам и свободам судоходства».

⁸ См. подробнее: Наумкин В. Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 2014. №1.

Буквально через день, 12 января, США и Великобритания нанесли удары по территории Йемена. Как отметил представитель России в ООН Василий Небензя, удары нарушали нормы международного права и не были санкционированы принятой резолюцией. За ними последовали другие атаки против Йемена. Учитывая географию страны, эти атаки не способны сокрушить «Ансаруллу», но лишь усугубляют и без того драматичную гуманитарную ситуацию, с одной стороны, и повышают международный статус хуситского движения, с другой.

Чтобы понимать логику поведения «Ансаруллы», необходимо принимать во внимание идеологию движения, сформулированную его основателем Хусейном аль-Хуси (1959–2004) в прочитанных им в 2001–2003 годах и распространявшихся в аудиозаписях лекциях. Как отмечает российский исследователь хусизма Тимофей Боков, в основании идеологии лежит дихотомия «мы/они», где «мы» – арабы-мусульмане, лучшие из которых относятся к зейдитам, а лучшие из зейдитов – к сеййидам – потомкам пророка Мухаммада; «они» – это прежде всего Запад и Израиль, унижившие арабов, поработившие их и занявшие их место в современном мире. С этим представлением связаны другие: о золотом веке ислама (времена пророка Мухаммада и Али бин Аби Талиба), о неразделимости ислама и политики (религиозная вера должна воплощаться в политическом действии), о навязываемых врагами нарративах о терроризме, позволяющих дискредитировать всю арабскую культуру, о навязываемой ими же идее ценности древнейшей цивилизации, якобы потенциально дающей возможность израильтянам претендовать на йеменские земли, о непреходящих опасностях империализма и колониализма⁹.

Несмотря на кажущуюся локальность хуситского феномена, идеология движения, позволяющая на протяжении уже более двух десятилетий консолидировать и мобилизовывать значительные массы населения Йемена, строится не вокруг йеменской повестки дня. В её центре – общие мировоззренческие вопросы, врагами с самого начала провозглашаются не соперники движения внутри страны, а действующие за тысячи километров Израиль, США и страны Запада. Комплексы «мифов – символов» представлены ярчайшим образом, ведь именно миф об экзистенциальной угрозе арабам-мусульманам со стороны врагов заставляет их встать под знамена лучших из лучших – сеййидов.

⁹ Боков Т.А. Политическая идеология хуситского движения (по материалам лекций Хусейна Ал-Хуси) // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 4. С. 95–112.

Уроки

Регион мифов

Трагедия Газы касается далеко не только этой территории – Палестины и даже Израиля. Формулы о значимости палестинской проблемы, вечно повторявшиеся на разнообразных встречах, лишь казались ритуальными. На деле они – вполне реальный мотивирующий и мобилизующий фактор для политических сил, действующих в тысячах километров от сектора Газа. Возникает серьёзный вопрос: связь между «Ансаруллой» и Палестиной – случайный казус или речь о системообразующей характеристике региональных отношений?

На наш взгляд, второе.

Символическая политика и историческая память в регионе – не просто инструменты, используемые элитами для манипулирования общественными настроениями, а реальные факторы политической жизни. И примеров их воздействия множество. Вот лишь те, что первыми приходят на ум.

ХАМАС мобилизовало свои силы, чтобы провести операцию «Буря аль-Аксы» («*Туфан аль-Акса*»), пойдя на очевидно самоубийственные шаги во имя символа палестинской независимости, расположенного за пределами сектора. Радикальные исламисты, описывая врагов, неизменно обращаются к «мифу – символу» крестовых походов, напрямую соотнося страны Запада с завоевателями многовековой давности. Сирийские племена, противостоявшие и ИГИЛ¹⁰, и странам Запада, связывали первых с ваххабитами XVIII века, а вторых – с французскими колонизаторами времен мандата. Саудовское руководство, разрабатывая стратегию национального развития «Видение-2030», первоочередное внимание уделило переосмыслению национальной истории, доказывая её глубокие доисламские корни. Активность Турции на Ближнем Востоке зачастую интерпретируется как сторонниками, так и противниками через призму представлений об Османской империи, а Ирана – памяти об империи Персидской. Даже в географически далёких от Ближневосточного региона странах Магриба вопросы исторической памяти, вокруг которых выстраиваются комплексы «мифов – символов»,

¹⁰ Запрещено в России.

становятся центральными. Марокко и Алжир конкурируют за право считаться родиной суфийского братства ат-Тиджанийя или вступают в конфликт между собой, опротестовывая друг у друга традиционный орнамент *зелидж*.

Эти примеры можно множить. Среди них есть трагические, есть почти комические, но все свидетельствуют: связь времён никогда не прерывалась.

Отчасти это связано, вероятно, с незавершённостью модернизационного процесса и сохранением элементов родоплеменного нарратива, для которого в принципе характерно «эпическое», не историзированное мировосприятие – вне зависимости от времени и места события в этом нарративе всегда повторяются одни и те же схемы. Это, кстати, касается не только арабской и мусульманской частей ближневосточных обществ, но и еврейской – не случайно столь популярны отождествление Израиля с Давидом, противостоящим Голиафу, или память о трагедии Масады.

Решение конфликтов в регионе не может не учитывать необходимость символической победы той или иной стороны, уважения её *достоинства* (ар.: *карама*). Идеи об обмене палестинских территорий на крупные капиталовложения, популярные во времена Дональда Трампа, негодны именно демонстративным неуважением к нуждам и чаяниям палестинской стороны, пренебрежением достоинством палестинцев.

Означает это и иное: победы и поражения в тех или иных битвах на Ближнем Востоке нельзя считать победами или поражениями в войнах. Если история длится бесконечно, память о ней сохраняется тысячелетиями, символы не утрачивают своей грозной притягательности, а мифы пленительны, то разрушение инфраструктуры противника, лишение его материальных активов, физическая ликвидация лидеров не приведут к окончательному решению. Противник играет вдолгую, и, уничтожая его физически, оппонент лишь создаёт новые символы борьбы и героические мифы.

Мифы и негосударственные акторы

Другой важный вопрос касается негосударственных акторов и вообще будущего государственности в регионе.

Как правило, значимая роль негосударственных акторов здесь отмечается в связи со слабостью государственных институтов, функции которых – частично или полностью – эти акторы на себя и принимают. Достаточно вспомнить, что и ХАМАС, и «Хизбалла», и «Ансарулла», и множество милиций

АКТУАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

млн человек

Палестина

- Начало кризиса более 75 лет назад. Обострение в октябре 2023

Палестинские беженцы определяются как «лица, обычным местом жительства которых была Палестина в период с 1 июня 1946 года по 15 мая 1948 года и которые потеряли как дом, так и средства к существованию в результате конфликта 1948 года»

- 5,9 палестинских беженцев имеют право на услуги БАПОР
- 1,5 проживают в 58 признанных лагерях палестинских беженцев в Иордании, Ливане, Сирии, секторе Газа и на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим

Источник: UNRWA

Сирия

- Начало гражданской войны в Сирии 15 марта 2011

Сирийцы составляют 1 из 5 беженцев во всем мире

- 6,5 получили убежище в 131 стране
- ВПЛ – более половины всего населения Сирии

Турция 3,5
Ливан 0,8
Иордания 0,7

Источник: UNHCR

Западная Сахара

- Начало конфликта 1975 год

- 0,2 сахравских беженцев проживают в пяти лагерях в провинции Тиндуф, Алжир, на границе между Мавританией, Марокко и Западной Сахарой. Некоторые из них были перемещены более чем на 45 лет после бегства из-за конфликта между Народным фронтом освобождения Сагуия-эль-Хамры и Рио-де-Оро (Полисарио), Мавританией и Марокко в 1975 году

Новые столкновения в ноябре 2020 года еще больше ухудшили гуманитарные условия беженцев. Столкновения вынудили дополнительно покинуть свои дома 4700 сахравцев из районов конфликта у песчаной стены между территориями, контролируемые Марокко и Полисарио, в Западной Сахаре, в лагерь Тиндуф

Источник: reliefweb.int

Ливия

- Начало кризиса с Первой гражданской войны 15 февраля 2011

- 0,8 нуждаются в гуманитарной помощи

Перемещенные ливийцы, просители убежища, беженцы и мигранты входят в число наиболее уязвимых групп населения

Они живут в неблагоприятных условиях с ограниченным доступом к медицинской помощи, лекарствам, продовольствию, питьевой воде, жилью и образованию

Источник: UNHCR

Йемен

- Начало гражданской войны – 27 января 2011

ЙЕМЕНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ КРИЗИС

- 4,5 или 14% населения были вынуждены покинуть свои дома из-за кризиса
- 21,6 или две трети населения остро нуждаются в гуманитарной помощи
- 17 страдают от отсутствия продовольственной безопасности, в том числе 3,2 млн человек испытывают острую нехватку продовольствия

Источник: UNHCR

от Ливии до Ирака обретали общественную поддержку прежде всего благодаря общественной активности, способности выполнять функции социальной поддержки населения и прочему. В этом смысле выполнение ими задач по обеспечению безопасности может рассматриваться не как отъём у государства монополии на легитимное насилие, а как продолжение политики подмены слабых государственных институтов. Подобная стратегия, по крайней мере в трёх случаях – ХАМАС в Газе, «Хизбаллы» в Южном Ливане, «Ансаруллы» в Северном Йемене – ведёт к превращению негосударственных акторов в подобия государств, контролирующих определённые территории. Следовательно, их способность выстраивать отношения с иными международными силами должна рассматриваться как шаг в направлении подмены государства или же превращения негосударственных акторов в государственных. А конфликт движения «Ансарулла» с Израилем, США или иными державами Запада – уже следующий уровень, повышающий роль движения на международной арене и фактически заставляющий признать его равноправным государству.

Подобная функциональная модель не позволяет, однако, в полной мере осознать смысл деятельности негосударственных акторов. В конце концов, если руководствоваться прагматическими соображениями, этим организациям разумнее было бы ограничиться внутренним контуром деятельности, не претендуя на собственную внешнюю политику. Но именно с точки зрения символического выбора это невозможно. Политический актор должен утверждать себя во внешней среде, доказывая собственному населению право на существование и утверждая политический статус. Именно поэтому ключевыми противниками «Хизбаллы», ХАМАС или «Ансаруллы» оказываются не иные ливанские, палестинские или йеменские политические организации, а Израиль и США, борьба против которых в глазах местного населения легитимирует их политическую деятельность и придаёт смысл деятельности социальной.

Такая интерпретация позволяет понять, почему ни одно из этих трёх движений не может рассматриваться как исламистское в полном смысле слова. Да, конечно, все они выступают за организацию общественно-политической жизни на религиозных принципах. Все широко используют религиозную символику и риторику, взывают к памяти о религиозно значимых временах и событиях. Все имеют нечто общее в системе их деятельности и артикулируемом нарративе, хотя относятся к трём совершенно различным (и зачастую враждебным друг другу) течениям ислама – двенадцатническому, суннитскому и зейдитскому.

Однако ни одно из трёх движений не пытается, во-первых, реализовать глобальный религиозный проект, во-вторых, для всех трёх организаций главные враги – силы, покушающиеся не на религиозную истину (материалисты, коммунисты, либералы, представители иных конфессиональных групп), а на национальное достоинство и суверенитет арабо-исламских государств. Именно поэтому столь важны антиколониальная риторика и идея противостояния оккупации.

Если такая оценка верна, то она позволяет предположить кое-что новое и о политическом исламе как таковом, сделав важнейшим критерием при типологизации разнообразных исламистских движений их восприятие тех или иных «мифов – символов». Ведь именно это восприятие в большей степени, чем что-либо другое, позволяет определить соотношение глобального и национального, религиозного и националистического в целеполагании.

Впрочем, всё это не означает исчезновения сакраментального для исследователей политического ислама вопроса о возможности инструментального использования той или иной группой национальной повестки при сохранении глубинной веры в эсхатологически предопределённую победу ислама.

Преобразующая сила мифов

Ситуация с сектором Газа и Йеменом позволяет обратиться и к вопросу об архитектуре региональной подсистемы отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Даже в этом, казалось бы, весьма далёком от чувственно-эмоциональной сферы вопросе именно символы и чувства являются основополагающими.

В сущности, перед нами две диаметрально противоположных интерпретации региональной динамики.

Согласно одной из них, на протяжении последних лет в регионе шёл постепенный процесс трансформации, в рамках которого происходило: а) укрепление Персидского залива как ядра региональной подсистемы; б) укрепление национальных государств (и соответствующих страновых национализмов) при маргинализации разнообразных проектов транснациональных единств (арабского, исламского и других); в) прагматически мотивированная нормализация отношений между Израилем и рядом арабских государств.

Результатом выделось своеобразное «расползание» Ближнего Востока и Северной Африки на субрегионы, каждый из которых дальше мог бы развиваться в собственной логике: Магриб как мост между Африкой южнее Сахары и Европой, «Благодатный полумесяц» – территория ослабленных государств и зона противостояния внешних акторов; Залив и Израиль (с возможным присоединением Египта) – ядро новой системы, вбирающее в себя страны, способные претендовать на более чем региональную роль. При таком подходе, в принципе, предвещающем исчезновение Ближнего Востока и Северной Африки как единого регионального пространства, рассматриваемые события кажутся какими-то рудиментами давно ушедшей эпохи, их далёким эхом. Подход израильского правительства, сделавшего ставку на военную операцию в Газе, вероятно, обусловлен именно такой интерпретацией.

Надо признать, что она небезосновательна. В конце концов, ни одно арабское государство, подписавшее «Авраамовы соглашения», не отказалось от них после 7 октября 2023 года, и даже жёстко настроенный против Израиля Иран не выразил стремления втягиваться в вооружённый конфликт. Однако если речь идёт всего лишь об эхе, то отчего оно такое громкое?

Возможна и иная интерпретация региональной динамики. Согласно ей, происходящие прагматические трансформации компенсируются эмоциональными факторами. Именно эмоции, символы, мифы, коллективная память – нити, связывающие пространство воедино. Жителей Газы мотивируют события вокруг мечети Аль-Акса, расположенной за пределами сектора. Обитателей горных районов северного Йемена – события в расположенной за пару тысяч километров Палестине. Израиль и Иран – экзистенциальные враги, несмотря на отсутствие непосредственных точек соприкосновения. После начала марокканско-израильского сближения Алжир начинает воспринимать Израиль как непосредственную угрозу, а в 2023 году фактически объявляет ему войну. Эти события показывают, что эмоции – не просто реальный, но системообразующий фактор международных отношений.

Наличие объединительных мифов и символов позволяет выделять ближневосточное пространство в качестве своеобразного региона на карте мира. Эти мифы и символы компенсируют недостаток внутрорегиональных экономических связей и разнонаправленность политических устремлений региональных элит. Они же становятся основой для выстраивания гуманитарных связей на всём пространстве «от Океана до Залива» и дальше на Восток.

Наконец, под их влиянием происходит и внутрирегиональная переборка. Ярчайший пример – внезапное выделение Красного моря не просто как очередной зоны конфликтности, но и как особого пространства, где пересекаются интересы множества локальных, региональных и глобальных игроков. Теоретически оно может претендовать на формирование собственного комплекса безопасности.

Совокупность всех этих обстоятельств, может быть, и позволяет Ближнему Востоку и Северной Африке сохранять полунепроницаемость для внешних воздействий, несмотря на активность здесь внерегиональных акторов. Возможно, именно благодаря этой частичной непроницаемости регион, тысячелетиями соединяющий Запад с Востоком, Юг с Севером, неустанно впитывающий, смешивающий и переосмысляющий все возможные культуры, традиции, обычаи и верования, всё ещё «поражает свет» своим «лица необщим выраженьем». И, наконец, рискнём предположить, что именно эта особенность региона, глубинная соединённость его жителей общими эмоциями, памятью, мифами, символами, в большей степени, нежели что-то иное – экономика, технологии или политические устремления элит, – могут гарантировать его субъектность при любом мировом устройстве.

 ValdaiClubEng
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ